

Ян Цин. Прагматическая программа текста лекции / Ян Цин // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 154—167. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-154-167.

Yang Qing. (2017). Pragmatic Program of Lecture Text. *Nauchnyy dialog*, 8: 154-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-154-167. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 808.51:371.331+811.161.1'38

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-154-167

Прагматическая программа текста лекции

© **Ян Цин (2017)**, orcid.org/0000-0002-5264-9528, аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), auroraufu@mail.ru

Рассматривается вопрос о субъективно-модальной составляющей содержания, или прагматической программе текста лекции. Уделяется внимание компонентам, которые определяются причастностью субъекта текста (лектора) к двум разным составляющим речевой коммуникации: объективному содержанию текста и адресату речи. Поднимается вопрос о модальном фокусировании на отдельных участках объективно-логического текста в виде кратких включений, названных прагматически значимыми компонентами текста. Новизна исследования видится в комплексном коммуникативном подходе к анализу субъективно-модального содержания научно-учебного текста. Актуальность проблемы связана с разработкой способов лингвистического описания прагматически значимых компонентов текста. Приводятся определения прагматической программы текста и ее составляющих, выполнен обзор литературы проблемы. Автор останавливается на конкретных разновидностях прагматически значимых компонентов: стилистических фигурах и приемах диалогизации. Предлагается классификация их функций. Доказано, что применение рассмотренных приемов модального фокусирования носит типовой характер в рамках жанра лекции. Каждый прием характеризуется качественной спецификой: анафора формирует содержательные фрагменты текста и обеспечивает логическую связь фрагментов; асиндетон служит средством характеристики явления; приемы диалогизации способствуют созданию комфортного общения в лекционной аудитории. Прагматическая программа в целом способствует решению дидактических задач лекционного текста.

Ключевые слова: речевая коммуникация; лекция; прагматическая программа; модальное фокусирование; анафора; асиндетон; диалогизация.

1. Введение

Феномен языка связан как с объективной реальностью, так и с человеком — носителем и пользователем языковой системы. Объективное

в языке отражает «определенную сторону сознания людей, не зависящую от них», а субъективное — «сторону сознания людей, зависящую от них самих» [Серебренников, 1988, с. 184].

Объективное и субъективное в языке, речи, тексте различаются и в то же время образуют неразрывное единство, в котором роль субъекта является определяющей. Антропоцентризм стал основной тенденцией современной лингвистики, которая нацелена на то, чтобы интерпретировать различные языковые явления с учетом роли человеческого фактора в языке [Кубрякова, 1995, с. 14]. Данный подход является лингвопрагматическим, поскольку именно прагматика как научное направление семиотики и лингвистики сосредоточена на исследовании отношения говорящих к знакам (в том числе языковым), а также на изучении речевого поведения коммуникантов (субъекта и адресата речи) и их взаимодействия [Демьянков, 1981; Степанов, 1981; Арутюнова, 1990].

Лингвопрагматика основывается на полном учете всех компонентов коммуникативной ситуации и преимущественно развивается в рамках концепции речевой деятельности, как теория речевых актов. Другой подход к данной проблематике базируется на введении в научный оборот базовых терминов *личная сфера человека* [Апресян, 1986] и *сопричастность*, *причастность* как соотношение человека и круга явлений, с которыми он устанавливает связь [Ким, 2009, с. 7]. Установить средства выражения личной сферы человека означает понять, каким образом объективная составляющая высказывания и текста осваивается субъектом речи. Данная задача особенно актуальна для жанра лекции, призванного открыто продемонстрировать личностную подачу интеллектуальной информации в целях ее наилучшего усвоения массовым адресатом.

Идеи лингвопрагматики напрямую связаны с общей моделью применения языка, построенной К. Бюлером. В ее состав входят три переменных фактора (предмет и ситуация, отправитель речи, получатель речи), определяющих три функции человеческого языка, соответственно: репрезентацию, экспрессию и апелляцию [Бюлер, 1993, с. 34]. Вершинная роль при этом принадлежит отправителю речи (субъекту, автору высказывания), причастность которого ко всему содержанию речевого произведения несомненна, поскольку именно ему принадлежит замысел текста. При этом субъект речи является носителем и выразителем профессионального интенционального сознания [Дускаева, 2012], то есть профессиональное общение влияет на качество текста. Однако автор текста неотрывен от адресата: «... экстралингвистическая составляющая категории авторства включает не только личностные характеристики поименованного творца, но и опи-

сание всех участников творческого процесса» [Цветова, 2013, с. 174]. Данное утверждение Н. С. Цветовой о медиатексте, безусловно, имеет более широкое приложение и относится также к жанру лекции.

Репрезентативная объективно-логическая программа подвергается субъективной обработке в зависимости от замысла автора и характера его речевого взаимодействия с адресатом текста. Системная речевая реализация языковой функции в составе текста является программой, поскольку она отражает план речевой деятельности отправителя речи, нацеленный на воздействие и достижение определенного результата по отношению к получателю речи. Применительно к тексту можно выделить информационную и прагматическую программы. Та и другая типизированы в соответствии с функционально-стилевой и жанровой принадлежностью текста [Матвеева, 1990].

Подчеркивая роль коммуникантов в ситуации речевого общения, И. М. Бродская называет программу субъективного отношения автора к объективному содержанию текста и к получателю речи *коммуникативной программой*, включая в нее не только взаимодействие субъектов, но и «качество описания объекта — значимые свойства объекта, зафиксированные в тексте» [Бродская, 2010, с. 99]. Мы предпочитаем термин *прагматическая программа* как более емкий, оставляя понятие *коммуникативная программа* только за сферой взаимодействия отправителя и получателя речи.

Собственно, лингвистическая трактовка понятия прагматики приводит к понятию субъективной модальности в широком понимании последнего термина — как выражения говорящим субъективного отношения к содержанию создаваемого текста (диктуемому компоненту последнего) и всем составляющим коммуникативной ситуации, в первую очередь — к адресату.

В зависимости от обобщенного объекта приложения прагматическая программа делится на две разновидности, определяемые причастностью субъекта (автора) к двум разным компонентам речевой коммуникации. Первая из них отражает отношение субъекта к объективному информационному (диктуемому) содержанию речевого целого, вторая — к адресату данной речевой коммуникации.

Способ реализации прагматической программы связан с понятием модального фокуса, который, по ван Дейку, представляет собой «акт выбора, критерием для которого является успешность и эффективность коммуникации и взаимодействия», утверждение прагматической важности выделяемого объекта [Дейк ван, 1978, с. 319—320]. Излагая некоторый объем логически организованной информации, автор текста время от времени

производит *модальное фокусирование*, которое связано «с выбором объекта модальности и помещением его в модальный фокус высказывания» [Борисова, 1996, с. 28]. Результатом модального фокусирования являются фрагменты текста, содержащие непосредственное выражение субъективной позиции автора и отражающие его прагматическую задачу. Наблюдения показывают, что прагматическая программа книжных стилей речи реализуется дискретно, в виде коротких, иногда точечных, фрагментов, включенных в объективно-логическое «тело» текста. Будем называть их *прагматически значимыми компонентами текста*.

Механизмы выражения личностных смыслов текста разнообразны. В настоящее время вопрос о полном списке способов выражения текстовой субъективной модальности, как и типов прагматически значимых компонентов остается открытым, но многие из них уже получили внетекстовое самостоятельное рассмотрение в границах экспрессиологии, стилистики, риторики, коллоквиалистики. В их числе — стилистические фигуры и приемы диалогизации монолога, которые избраны нами в качестве объекта исследования. В опоре на эти исследования (обзор литературы см. в [Копнина, 2009; Жуланова, 2002]) ставится задача выявления текстовой прагматической нагрузки данных приемов и специфики оформления соответствующих прагматически значимых компонентов текста лекции.

Жанр лекции отражает учебно-научную коммуникативную ситуацию, лекция является частью образовательного процесса. Объективными интегрирующими признаками коммуникативного события лекции являются спланированность, институциональность, публичность, устная форма предъявления адресату [Васильева, 1976; Куприна, 1998]. Групповой адресат лекции характеризуется меньшим объемом знаний в данной специальной области по сравнению с лектором, общение коммуникантов в своей основе носит официальный характер. Интенция лектора направлена на освоение адресатом выделенного объема объективно-логической информации, цель автора носит дидактический характер. Субъективная составляющая лекции несомненна. По мнению И. Гофмана, лекция представляет собой высказывание, в ходе которого «говорящий излагает свои взгляды на определенный предмет» [Гофман, 2007, с. 7].

Таким образом, для жанра лекции актуальна и рациональная (репрезентативная) программа, связанная с изложением научного знания, и прагматическая программа, отражающая речевую личность лектора и характер адресованности текста. В соответствии с принадлежностью научному стилю речи и прагматической задаче автора, объективно-логической информационной программе отводится основной объем монологического текста

лекции, тогда как прагматическая программа выражается в нем коротко и дискретно.

Охарактеризуем типы прагматически значимых компонентов текста лекции по отдельности.

2. Прагматически значимые компоненты, нацеленные на обработку объективно-логического содержания

Распространяя научное знание, лектор дифференцирует материал в соответствии со своей целью и расставляет логические акценты, обеспечивающие правильное восприятие содержания и структуры текста. В числе средств модального фокусирования важны стилистические фигуры, для которых характерна как экспрессивно-выделительная, так и организационно-текстовая функции. Стилистические фигуры обеспечивают информационную точность текста, способствуют его делению на смысловые отрезки и усиливают речевое воздействие. Особенно значимы в роли прагматически значимых синтаксические фигуры, грамматичность которых позволяет устанавливать взаимосвязи информационных объектов без отвлечения от содержательной стороны текста. Наиболее активно используются в текстах лекций анафора, синтаксический параллелизм, асиндетон, парцелляция. В данной статье остановимся на двух стилистических фигурах.

Анафора (единоначатие) заключается в повторении начальной части тех или иных речевых единиц [Ахманова, 2005, с. 47]. В основе анафоры может лежать единица любого из языковых уровней: звук или звукосочетание, морфема, слово, словосочетание, фраза и синтаксическая конструкция [Москвин, 2006, с. 57]. Для жанра лекции характерна лексическая анафора, основанная на повторении слова или группы слов, часто в сочетании с синтаксической, образуемой повторением синтаксической позиции, заполненной однотипными морфологическими средствами [Хазагеров и др., 1999, с. 200].

Анафора такого рода организует минимальные содержательные фрагменты текста и путем логического присоединения объединяет их в смысловые блоки. Обычно так фиксируются однородные компоненты излагаемой классификации материала. Однородность анафорического ввода групп классификации параллельно обеспечивает восприятие всех этих групп как логической целостности, фигура одновременно работает и на деление материала (за счет многократности воспроизведения анафорического элемента), и на объединение выделенных групп (путем прямого повторения одного и того же связочного элемента):

Так, например, **можно выделить модель S+S2**, где при существительном в любом падеже может быть зависимая форма родительного падежа (дом быта, воспаление легких) с разновидностями, зависящими от передаваемых отношений (атрибутивные, объектные, субъектные). **Можно выделить модели S+ o S6** (отчет о работе, разговор о школе) и т.д., в которые включается предложено-падежная форма существительного.

Можно выделить модели адъективных словосочетаний: A+S3 (верный слову). A+к S3 (способный к математике) и т.д. **Можно выделить модели** наречных, глагольных словосочетаний, словосочетаний с главным словом — числительным (нумеративные), местоимением (прониминативные) [Сиротина, 1980].

В данном текстовом фрагменте анафорический ввод имеет структурирующее предназначение. С его помощью выделены разновидности анализируемого материала, которые можно было разграничить и другими способами, например, нумерацией. Применение лексико-синтаксической анафоры подчеркивает единство авторского аналитического подхода.

Анафора способна также создавать эффект логического усиления при формировании целостной характеристики явления: *Вспомним о рождении и младенчестве Зевса. Здесь мифологическое начало всех начал. Здесь миф облекается историей* [Волкова, 2015].

Каждая часть этой характеристики фиксирует особый аспект явления, дополняя и обогащая общее впечатление о нем. С помощью данной фигуры формируется многостороннее авторское понимание предмета или явления, без потери единства объекта рассмотрения: *Изначальное от Гомера: слышимость, эхолотика. Слышимость — закон, идея, мерило греческого мира. Слышимость включает нас в круг акустики как понимания. Слышимость — это взаимопонимание. Не в этом или скрытая сверхзадача всего греческого искусства? И театра, и скульптуры, и конечно же, диалогов пира, темы которых предлагались изображениями пиршественных сосудов (вазы, рисунки на вазах)* [Там же].

Анафора способна также подчеркнуть противопоставление фрагментов текста, выраженное на базе антонимических отношений: *Пещеры бывают подземные, т. е. уводящие в другой мир под землю. Пещеры бывают на горе, где в вечном созерцании ждут колокола мудрецы, или сгорая, возрождается из собственного пепла* [Там же].

В данном контексте лектор противопоставляет пещеры *подземные* и *на горе*. *Подземный* означает 'находящийся или производимый под поверхностью земли, относящийся к нахождению под землёй' [ТСРЯ, 2008, с. 666];

на горе означает 'над поверхностью горы', причем и сама *гора* находится *над* поверхностью земли. Лексико-синтаксическая анафора увязывает противопоставленные высказывания в единое целое.

Асиндетон, или бессоюзие, формируется стилистически мотивированным опущением союзов в сочинительных синтаксических конструкциях [КРР, 2003, с. 84]. Этот речевой прием обладает различными структурными и функциональными модификациями, во многом зависит от лексико-синтаксических особенностей его языковых составляющих. Общая логическая функция асиндетона состоит в описании предмета или явления с помощью перечисления его отдельных составляющих или характерных свойств.

Асиндетон может строиться на обобщающем условии. Например: *Итак, получается, за миллион перевалило носителей языка народов. Татарский, украинский, башкирский, чувашский, чеченский, армянский, да? Другие языки в меньшей степени распространены* [Купина]. В этом примере перечисление языков имеет отношение к предыдущему предложению текста, в котором эксплицирован количественный признак обобщения. В лекции обобщение может быть выражено и более сложным образом: *Мы — ее (Древней Греции. — Я. Ц.) производное через алфавит, искусство, философию, театр. А вместе с тем — где она? Руины, фрагменты текстов, обрывки сведений* [Волкова, 2015]. В этом примере обобщение содержится в составе вопроса *где она?*, а перечислительный ряд представляет собой эллипсис ответной реплики *<Остались только> руины, фрагменты текстов, обрывки сведений*. Обобщающее условие не является обязательным для асиндетона.

Анафора и асиндетон, в числе других синтаксических фигур, структурируют и упорядочивают содержание лекции, а также обеспечивают вербализацию процессов анализа и синтеза, основных для научной деятельности и воспроизводимых в жанре лекции. Особенно велика их роль в группировке отдельных авторских высказываний информационного плана в текстовые фрагменты.

3. Прагматически значимые компоненты, нацеленные на установление профессиональных отношений с адресатом

Лектор как профессионал постоянно стремится к установлению комфортного общения, привлечению внимания и интереса адресата, сокращению дистанции общения с коллективным адресатом. В числе средств организации речевого взаимодействия важны разговорные элементы, контакто-устанавливающие средства [Скорикова, 2015, с. 54], но особенно значимо

использование речевой технологии диалогизации монологического текста. Диалогизация как система внедрения некоторых компонентов гармоничного диалога в состав монологического речевого общения включает в себя такие приемы, как: 1) словесное выражение *я*-позиции, *вы*-позиции и субъектно совмещенной *мы*-позиции коммуникантов; 2) побудительные конструкции; 3) прямое обращение к адресату текста. Реже в составе монолога встречается прямая имитация диалогической речи [Богомолов, 1987; Жуланова, 2002]. В данной статье рассмотрим первую позицию, непосредственно указывающую на авторское мнение, а также подчеркивающую существование противоположной стороны коммуникации [Kapellidi, 2007, с. 114].

Личное местоимение *я*, по мнению В. В. Химика, — это «специализированный и семантически рафинированный показатель субъекта речи» [Химик, 1990, с. 11]. С его помощью, в сочетании с морфологическим лицом глагола, предметные темы текста соотносятся с личным опытом автора текста. Будем различать ситуативную, биографическую и логическую функционально-семантические разновидности авторского *я*.

Ситуативная разновидность реализуется, когда процесс говорения происходит *сейчас (сегодня)* и *здесь* (контекстными сигналами являются названные наречия, а также местоимение *этот*, в том числе в сочетании с существительными с предметным значением): *Есть «Словарь языка Совдепии» Валерия Михайловича Мокиенко, который я сегодня упоминала* [Купина]. Биографическая разновидность авторского *я* представляет говорящего в контексте его биографии: *Есть моя монография «Тоталитарный язык». Вы уже на этом языке не говорите. Он распался* [Там же]. Логическая разновидность узнаваема по наличию глаголов интеллектуальной деятельности (*считать, думать, учитывать* и т.п.): *Чем разнообразнее, тем лучше. Я тоже так считаю* [Там же].

Местоимения *мы* и *наш* — это «расширенный символ отправителя речи» [Химик, 1990, с. 11], *мы* и *наш* объединяют участников коммуникации в интеллектуальную целостность. Б. Ю. Норман доказал, что говорящий охотнее использует форму 1-го лица множественного числа в том случае, если объединяет себя с кем-то себе равным или нижестоящим [Норман, 2002, с. 232], в том числе лектора со своей аудиторией: *И тогда мы вспоминаем и о Миносе, и о Минотавре* [Волкова, 2015]. В этом примере лектор объединяет себя с аудиторией: *Значит, следующее наше ключевое слово — это статус, и мы с вами отмечаем <...> статус — это правовое положение языка* [Купина].

Лектор может объединять себя и с более широким адресатом. Например: *Мы живем в пространстве античности* [Волкова, 2015]. В этом при-

мере *мы* обозначает не только слушателей лекции, но и всех современных людей.

Вы-позиция реализуется гораздо реже, поскольку полноценного обмена информацией в процессе чтения лекции быть не может. Но местоимения *ты* и *вы* также очень важны, поскольку являются опосредованными выразителями субъективности повествования [Химик, 1990, с. 11]. С помощью одновременной реализации *я*-позиции и *вы*-позиции может быть организовано противопоставление коммуникантов. Содействует гармоничному общению прием комплимента аудитории: (1) *Давайте мы с вами отметим пассионарность. Введено Гумилевым. Пассионарность — это стремление к этносам. Лев Николаевич Гумилев, вы знаете его хорошо* [Купина]; (2) *И язык господствующего политического меньшинства, у нас это совпадает, как вы понимаете* [Там же].

Таким образом, использование местоимений первого и второго лица организует диалогизацию монологического текста лекции. Несомненно, что главным показателем субъективности изложения является местоимение *я*. *Мы*-позиция имеет широкий диапазон, выражение *мы с вами* чаще всего обозначает отправителя речи вместе с конкретным получателем (лектора с аудиторией), а иногда *мы* имеет более широкое значение и объединяет отправителя речи с современниками или даже всем человечеством. *Я*-позиция, *мы*-позиция и *вы*-позиция непосредственно или опосредованно выделяют субъекта речи и соединяют субъекта речи со своим адресатом. В жанре лекции, где отправитель и получатель речи постоянно взаимодействуют, диалогизация нужна для создания комфортной коммуникативной среды.

4. Выводы

Лекция — один из жанров научного функционального стиля — фокусирует в себе многие недостаточно исследованные проблемы стилистики и прагматики. Одной из таких проблем является полное описание прагматической программы, чрезвычайно важной для данного дидактического жанра. Такое описание складывается из описания частных реализаций модального фокусирования. Стилистические фигуры анафора и асиндетон нацелены на обработку объективно-логического содержания лекции. С помощью анафоры формируются содержательно целостные фрагменты текста и обеспечивается логическая связь фрагментов; асиндетон служит средством «мозаичной» характеристики явления. Приемы диалогизации нацелены на установление и поддержание профессиональных отношений с адресатом. Опора на местоимения первого и второго лица сообщает изло-

жению объективно-логической информации личностный характер и формирует комфортный стиль общения.

Анализ показал, что применение рассмотренных приемов модального фокусирования носит типовой характер в рамках жанра лекции. Каждый прием характеризуется собственной качественной спецификой. Прагматическая программа в целом способствует решению дидактических задач лекционного текста.

Источники и принятые сокращения

1. Волкова П. Мост через бездну : комментарий к античности / П. Волкова. — Москва : АСТ, 2015. — 304 с.
2. КРР — *Культура* русской речи : энциклопедический словарь-справочник / ред. Л. Ю. Иванов, А. П. Сковородников, Е. Н. Ширяев. — Москва : Флинта, 2003. — 840 с.
3. Купина Н. А. Аудиозаписи лекций по курсу «Стилистика и культура речи».
4. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка : учебное пособие для филологических специальных университетов / О. Б. Сиротинина. — Москва : Высшая школа, 1980. — 74 с.
5. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательский центр Азбуковник, 2008. — 1175 с.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. — 1986. — № 28. — С. 5—33.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Том 40, № 4. — С. 356—367.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : КомКнига, 2005. — 576 с.
4. Богомолов М. А. Диалогизация выступления как один из аспектов персонализации телевизионного сообщения / М. А. Богомолов // Значение и смысл слова : художественная речь, публицистика. — Москва : МГУ, 1987. — С. 92—99.
5. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург : АРГО, 1996. — С. 21—48.
6. Бродская И. М. Коммуникативная программа учебного текста / И. М. Бродская // Известия ВГПУ. — 2010. — № 9. — С. 96—99.
7. Бюлер К. Теория языка / К. Бюлер. — Москва : Прогресс, 1993. — 501 с.
8. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка : научный стиль речи / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1976. — 187 с.
9. Гофман И. Лекция / И. Гофман // Социологическое обозрение. — 2007. — № 2. — С. 4—26.

10. Дейк ван Т. А. Вопросы прагматики текста / ван Т. А. Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Вып. 8 : Лингвистика текста. — С. 259—336.
11. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания / В. З. Демьянков // Известия академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Том 40, № 4. — С. 368—377.
12. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста : онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2012. — №. 2. — С. 253—260.
13. Жуланова Е. А. Диалогичность учебно-научного монолога в речевой ситуации школьного обучения : автореферат ... диссертации кандидата филологических наук / Е. А. Жуланова. — Екатеринбург, 2002. — 23 с.
14. Ким И. Е. Личная сфера человека : структура и языковое воплощение : монография / И. Е. Ким. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2009. — 325 с.
15. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка : опыт системного описания : монография / Г. А. Копнина. — Москва : Флинта ; Наука, 2009. — 576 с.
16. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / ред. Ю. С. Степанов. — Москва : Институт языкознания РАН, 1995. — С. 144—238.
17. Куприна С. В. Устная и письменная монологическая речь одного лица : диссертация ... кандидата филологических наук / С. В. Куприна. — Саратов, 1998. — 186 с.
18. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий : синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. — Свердловск : Уральский университет, 1990. — 192 с.
19. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи : тропы и фигуры : общая и частные классификации : терминологический словарь / В. П. Москвин. — Москва : Феникс, 2006. — 944 с.
20. Норман Б. Ю. Русское местоимение *мы* : внутренняя драматургия / Б. Ю. Норман // Russian Linguist. — Netherland : Kluwer Academic Publishers, 2002. — С. 218—234.
21. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке : язык и мышление / Б. А. Серебренников. — Москва : Наука, 1988. — 241 с.
22. Скорицова Т. П. Жанрообразующие факторы научного монолога / Т. П. Скорицова // Вестник РУДН. Серия, Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — Москва, 2015. — С. 51—58.
23. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Известия академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Том 40. — № 4. — С. 325—332.

24. Хазагеров Т. Г. Общая риторика : курс лекций и словарь риторических фигур / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. — Ростов на Дону : Феникс, 1999. — 320 с.

25. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. — Ленинград : ЛГУ, 1990. — 180 с.

26. Цветова Н. С. Категория авторства в свете интенциональной стилистики / Н. С. Цветова // *Stylistyka XXII : Styl w culture*. — Opole, Instytut Polonistyki i Kulturuznawstwa, 2013. — С. 167—176.

27. *Kapellidi Ch.* The speaking subject in communication : ‘subjectivity’ and the (gendering) self / Ch. Kapellidi // *Proceeding of the Fifth University of Cambridge Postgraduate Conference in language Research*. — Cambridge, UK, Cambridge institute of language research, 2007. — S. 112—119.

Pragmatic Program of Lecture Text

© **Yang Qing (2017)**, orcid.org/0000-0002-5264-9528, PhD student, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), auroraurfu@mail.ru.

The issue of subjective-modal component of the content, or pragmatic program of the lecture text is considered. Attention is paid to components which are defined by the involvement of the subject of the text (the lecturer) in two different components of verbal communication: the objective content of the text and the addressee of the speech. The question is raised about modal focusing on separate sections of the objectively-logical text as short inclusions called pragmatically important components of the text. The novelty of the research is seen in the integrated communicative approach to the analysis of subjective modal content of the scientific-educational text. The urgency of the problem is linked with the development of methods of linguistic description of pragmatically important components of the text. The definitions for pragmatic programmes of the text and its components are given, the review of the scientific literature on the subject is made. The author dwells on certain varieties of pragmatically important components: stylistic figures and techniques of dialogisation. Classification of their functions is presented. It is proved that the application of the considered methods modal focusing is typical within the genre of the lecture. Each technique is characterized by qualitative characteristics: anaphora forms a meaningful text fragments and provides a logical relationship of the fragments; asyndeton is a means of characterization of a subject; techniques of dialogisation contribute to the creation of comfortable communication in the lecture hall. A pragmatic program in general contributes to the solution of didactic tasks of the lecture text.

Key words: speech communication; lecture; pragmatic program; modal focusing; anaphora; asyndeton; dialogisation.

Material resources

KRR — Ivanov, L. Yu., Skovorodnikov, A. P., Shiryayev, E. N. (eds.). 2003. *Kultura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik*. Moskva: Flinta. (In Russ.).

Kupina N. A. Audiozapisi lektsiy po kursu «Stilistika i kultura rechi». (In Russ.).

- Sirotinina, O. B. 1980. *Leksii po sintaksisu russkogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya filologicheskikh spetsialnykh universitetov*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- TSRYa — Shvedova, N. Yu. (ed.). 2008. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheni-
em svedeniy o proiskhozhdenii slov*. Moskva: Izdatelskiy tsentr Azbukovnik. (In Russ.).
- Volkova, P. 2015. *Most cherez bezdnu: kommentariy k antichnosti*. Moskva: AST. (In Russ.).

References

- Akhmanova, O. S. 2005. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. 1986. Deyksis i leksike i grammatike i naivnaya model mira. *Semiotika i informatika*, 28: 5—33. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. 1981. Faktor adresata. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 40/4: 356—367. (In Russ.).
- Bogomolov, M. A. 1987. Dialogizatsiya vystupleniya kak odin iz aspektov personifikatsii televisionnogo soobshcheniya. In: *Znachenije i smysl slova: khudozhestvennaya rech, publitsistika*. Moskva: MGU. (In Russ.).
- Borisova, I. N. 1996. Diskursivnyye strategii v razgovornom dialoge. In: *Russkaya razgovornaya rech kak yavlenije gorodskoy kultury*. Yekaterinburg: ARGO. (In Russ.).
- Brodskaya, I. M. 2010. Kommunikativnaya programma uchebnogo teksta. *Izvestiya VGPU*, 9: 96—99. (In Russ.).
- Byuler, K. 1993. *Teoriya yazyka*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. 1981. Pragmaticheskiye osnovy interpretatsii vyskazyvaniya. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 40/4: 368—377. (In Russ.).
- Deyk, van T. A. 1978. Voprosy pragmatiki teksta. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 8: *Lingvistika teksta*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Duskayeva, L. R. 2012. Intentsionalnost' rechevoy deyatel'nosti zhurnalista: ontologiya i struktura. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*, 2: 253—260. (In Russ.).
- Gofman, I. 2007. Lektsiya. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2: 4—26. (In Russ.).
- Kapellidi, Ch. 2007. The speaking subject in communication: 'subjectivity' and the (gendered) self. In: *Proceeding of the Fifth University of Cambridge Postgraduate Conference in language Research*. Cambridge, UK, Cambridge institute of language research.
- Khazagerov, T. G., Shirina, L. S. 1999. *Obshchaya ritorika: kurs lektsiy i slovar' ritoricheskikh figur*. Rostov na Donu: Feniks. (In Russ.).
- Khimik, V. V. 1990. *Kategoriya subyektivnosti i yeye vyrazheniye v russkom yazyke*. Leningrad: LGU. (In Russ.).
- Kim, I. E. 2009. *Lichnaya sfera cheloveka: struktura i yazykovoye voploshcheniye: monografiya*. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet. (In Russ.).

- Kopnina, G. A. 2009. *Ritoricheskiye priyemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo opisaniya*: monografiya. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. 1995. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza). In: Stepanov, Yu. S. (ed.). *Yazyk i nauka kontsa XX veka*. Moskva: Institut yazykoznaniiya RAN. (In Russ.).
- Kuprina, S. V. 1998. *Ustnaya i pismennaya monologicheskaya rech odnogo litsa: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Saratov. (In Russ.).
- Matveyeva, T. V. 1990. *Funktsionalnyye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: sinkhronno-sopostavitelnyy ocherk*. Sverdlovsk: Uralskiy universitet. (In Russ.).
- Moskvin, V. P. 2006. *Vyrazitelnyye sredstva sovremennoy rusскоj rechi: tropy i figury. Obshchaya i chastnyye klassifikatsii: terminologicheskii slovar'*. Moskva: Feniks. (In Russ.).
- Norman, B. Yu. 2002. Russkoye mestoimeniye my: vnutrennyaya dramaturgiya. In: *Russian Linguist*. Netherland: Kluwer Academic Publishers. (In Russ.).
- Serebrennikov, B. A. 1988. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i myshleniye*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Skorikova, T. P. 2015. Zhanroobrazuyushchiye faktory nauchnogo monologa. In: *Vestnik RUDN. Seriya, Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. Moskva. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. 1981. V poiskakh pragmatiki (problema subyekta). *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 40/4: 325—332. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. 2013. *Kategoriya avtorstva v svete intentsionalnoy stilistiki. Stylistyka XXII: Styl w culture*. Opole, Instytut Polonistyki i Kulturuznawstwa. (In Russ.).
- Vasilyeva, A. N. 1976. *Kurs lektсий po stilistike russkogo yazyka: nauchnyy stil rechi*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
- Zhulanova, E. A. 2002. *Dialogichnost' uchebno-nauchnogo monologa v rechevoy situatsii shkolnogo obucheniya*: avtoreferat ... dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk. Yekaterinburg. (In Russ.).